

На правах рукописи

МАЛЬЦЕВА Светлана Владиславовна

АРХИТЕКТУРА СЕРБИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIV –
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XV ВЕКА. МОРАВСКАЯ ШКОЛА

Специальность 17.00.04 —
изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата искусствоведения

Москва

2016

Работа выполнена на кафедре истории русского искусства ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет».

Научный руководитель:

Булкин Валентин Александрович, кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории русского искусства Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Официальные оппоненты:

Попов Геннадий Викторович, доктор искусствоведения, заместитель директора по научной работе Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева».

Воронова Ариадна Александровна, кандидат искусствоведения, заведующая кафедрой истории и теории христианского искусства факультета Церковных художеств Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный Эрмитаж».

Защита состоится 8 декабря 2016 года в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 210.004.02 в Государственном институте искусствознания по адресу: 125009, Москва, Козицкий пер., д. 5.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Государственного института искусствознания по адресу: 125009, Москва, Козицкий пер., д. 5 и на сайте института: <http://sias.ru/research/dissovets/>
Автореферат разослан « ____ » _____ 2016 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат искусствоведения

А.И. Струкова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена церковной архитектуре Сербии второй половины XIV — первой половины XV в., которую принято обозначать понятием «моравская школа». Речь идет о нескольких десятках храмов, расположенных, в основном, в бассейне рек Западная, Южная и Великая Морава на территории современной Сербии. Сюда из Косова и Македонии был перенесен центр государства последних правителей независимой Сербии. Моравские храмы в основном принадлежат к двум разновидностям: 1) крестово-купольный на четырех свободно стоящих опорах и 2) т.н. компактный (однонефный) крестово-купольный. Почти все они — триконхи, то есть имеют дополнительные боковые конхи с севера и юга. При этом строительная техника, декор, нюансы объемно-пространственных композиций могут существенно различаться.

Актуальность исследования

Изучение сербской архитектуры моравского периода началось еще в XIX в. Как казалось, она легко обозрима благодаря четкости территориальных и временных границ, значительному числу сохранившихся памятников, оригинальности их планов, объемно-пространственных композиций и характерному декору. Все эти особенности рано обратили на себя внимание. Исследователи еще в начале XX в. объединили десяток наиболее ярких моравских храмов понятием «школы» и распространили это название на весь период.

Однако на протяжении XX века было выявлено гораздо большее количество памятников этого круга (исследователями предложено уже более 80 построек отнести к числу моравских¹). Стало ясно, что в качестве определения последнего периода развития сербского зодчества термин «моравская школа» едва ли применим, поскольку среди построек этой эпохи нет четкого стилового единства, а мастерах и обстоятельствах

---

¹ *Ристић В.* Моравска архитектура. Крушевац, 1996. С. 235-246.

создания многих из них практически ничего не известно. Датировки отдельных памятников и периодизация процессов архитектурного развития нуждаются в уточнении. Вопросы об истоках основных архитектурных особенностей, причинах появления типологии триконха, характере связей с византийской архитектурой и сербской архитектурой предшествующих периодов не получили исчерпывающих ответов. Все это обуславливает актуальность нашего исследования.

Создание более четкого представления о памятниках т.н. «моравской школы», прежде всего, необходимо для понимания специфики развития сербской средневековой архитектуры вообще, в том числе, на последнем этапе ее существования. Более того, уточнение соотношения сербской и византийской архитектурной традиции необходимо для понимания механизмов развития «дочерних» по отношению к византийской культур других православных стран, из которых Сербия — лишь один из вариантов, наряду с Древней Русью.

Объектом диссертационного исследования являются сербские храмы моравского периода (вторая половина XIV — первая половина XV в.). **Предмет исследования** — определение специфики архитектуры «моравской школы» как особого явления в истории сербского и – шире – восточнохристианского искусства, выявление его истоков и путей развития, его соотношения с византийской и предшествующей сербской архитектурной традицией.

Степень научной разработанности проблемы

Несмотря на то, что изучение сербской архитектуры моравского периода началось давно, и понятие «моравская школа» фигурирует во всех общих работах по истории сербского средневекового искусства, по сей день остаются дискуссионными многие важнейшие вопросы: хронологические и географические рамки этого явления; круг памятников и те основания, на которых их можно объединить; определение важнейших особенностей архитектуры моравского периода и характера ее связей с

византийской, западноевропейской и предшествующей сербской традициями и т.д. Имеется значительное количество монографических исследований по отдельным памятникам и группам памятников (прежде всего, это наиболее известные и крупные постройки, тогда как многие более мелкие провинциальные храмы, нередко руинированные, остаются неизученными). На данном этапе, когда накоплено много новых фактов, стало ясно, что необходим пересмотр тех стереотипов в изучении сербского средневекового зодчества, которые сложились еще в первой половине XX в., поскольку материал не вписывается в существующие концепции.

Цели и задачи исследования.

Цель исследования — пересмотреть и уточнить создавшееся представление о последнем этапе сербской церковной архитектуры.

Важнейшими задачами исследования являются следующие:

– провести критический анализ историографии, разобрать существующие позиции и методы, выявить бездоказательные или противоречивые суждения;

– понять, что объединяет группу церквей второй половины XIV — первой половины XV в. на сербских моравских территориях. Являются ли они «школой»? Представляют ли они собой некий региональный вариант византийской архитектуры или национальную традицию?

– по возможности уточнить периодизацию последнего этапа истории сербского зодчества;

– выявить истоки основных архитектурных особенностей этих памятников;

– определить их соотношение с предшествующей сербской архитектурой, а также с византийской архитектурой позднепалеологовского периода.

Источники

Работа основана на результатах архитектурно-археологических исследований памятников средневекового сербского зодчества, в основном, осуществленных на протяжении XX в. югославскими учеными и опубликованных в специальной литературе. Также использовались данные, собранные автором во время натурного обследования памятников в 2000–2016 гг. Для изучения историко-культурного контекста и тех факторов, которые могли влиять на конфигурацию церковных зданий, привлекались данные средневековых письменных источников (житий святых, типиконов монастырей и пр.), в основном, по публикациям в научной литературе.

Методы исследования

В работе используется типологический анализ (выявление общности на уровне планов и объемно-пространственной композиции зданий), стилистический анализ, анализ строительной техники и методов строительства. При этом анализ типологических, стилистических, технико-технологических особенностей храмов моравского периода показывает слишком большое разнообразие в исследуемой группе памятников и не позволяет выявить общность на уровне архитектурной, строительной традиции. Общность прослеживается на уровне ктиторских программ, обуславливавших основные особенности этих построек, т.е. на функциональном и идеологическом уровне. Это выявляется с помощью привлечения данных письменных источников (агиографические и литургические тексты), раскрывающих определенные идеологические установки, ориентацию на конкретные образцы, а также нередко с помощью иконографического анализа росписей. Кроме того, для уточнения функций отдельных частей сооружений используется анализ археологических данных.

Таким образом, в нашем исследовании применяется междисциплинарный подход — рассмотрение памятников в широком историко-культурном контексте.

Научная новизна

Данное диссертационное исследование является первой русскоязычной специальной работой по архитектуре моравской Сербии. В нем полностью пересматривается сложившееся понятие «моравской школы». Постройки в бассейне Моравы мы предлагаем рассматривать не как школу. Это предусматривало бы традиционность и даже преемственность технико-технологических процессов или типологическое и стилистическое единство, а этого не наблюдается. Мы выдвигаем на первый план региональную специфику, которая определялась не столько типологическими и стилистическими признаками, сколько ролью ктитора в создании архитектурных программ, где функция становится одним из определяющих параметров, а связь с собственно сербской архитектурной традицией приобретает программное значение.

Исходя из этого нового понимания факторов, определяющих архитектурное развитие, мы даем другое объяснение региональной специфики моравской архитектуры и на уровне объемно-пространственной композиции (включая причины и условия появления важнейшей особенности моравской архитектуры — типологии триконха), и на уровне декоративных программ. Из этого следует и новое понимание соотношения этой традиции с византийской, и с предшествующей сербской архитектурной традицией.

Делается попытка по возможности уточнить периодизацию и классификацию построек «моравской школы» через рассмотрение памятников в историко-культурном контексте.

Практическая значимость

В процессе исследования автором был проработан большой объем научной литературы (в основном, на сербско-хорватском языке), из

которой почерпнуты важные данные по проведенным ранее архитектурно-археологическим исследованиям изучаемых памятников. Произведен критический анализ многих общих трудов по истории сербской средневековой архитектуры, выявлены наиболее научно обоснованные концепции, а также некоторые противоречивые суждения и несостоятельные гипотезы. В ходе натурных исследований и фотофиксации памятников автором собран значительный материал. На основании анализа всех собранных данных сформулирована собственная концепция развития сербской средневековой архитектуры на последнем этапе ее существования. Все это может быть использовано для дальнейших научных исследований (подготовка докладов, статей и книг по сербской средневековой архитектуре), а также для преподавания (лекционные курсы и семинарские занятия, составление методических пособий, руководство дипломными работами).

Апробация

По материалам исследования было опубликовано 25 статей и тезисов докладов, в том числе 3 из списка ВАК и 18 статей, включенных в базу данных РИНЦ (список прилагается), общим объемом более 15 а.л. Прочитано 19 докладов на всероссийских и международных конференциях. Материалы исследования вошли в лекционный курс «Искусство Балкан» в СПбГУ (читается ежегодно с 2007 г.) и в спецкурс «Искусство средневековой Сербии» в МГУ имени М.В. Ломоносова (прочитан в 2010 г.).

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии. Первая глава представляет собой историографию вопроса. Вторая глава, наиболее значительная по объему, посвящена исследованию основных особенностей архитектуры моравского периода. Она включает в себя разбор их истоков в предшествующей сербской традиции, подробное

описание важнейших памятников моравского периода, сравнение с современными им произведениями византийской архитектуры, критический разбор спорных вопросов в изучении этого материала. В третьей главе отдельно рассматривается генезис и функции архитектурной типологии триконха, к которой принадлежит большинство моравских храмов. Предлагается объяснение выбора именно этой типологии в качестве ведущей на последнем этапе развития сербской средневековой архитектуры, связанное с определенными историко-культурными реалиями исследуемой эпохи.

Во **Введении** кратко описывается предмет исследования, актуальность, цели, задачи и методы работы.

Глава 1. «Историография» представляет собой подробный разбор тех концепций о сложении и развитии сербской архитектуры моравского периода, которые выдвигались исследователями начиная со второй половины XIX в.

Решающее значение до сих пор имела сформулированная в начале XX в. концепция французского византиниста Г. Милле². Он предложил рассматривать сербское средневековое зодчество как последовательный ряд хронологически и территориально обособленных «школ»: «рашская» (конец XII — XIII в.), «сербско-византийская» (конец XIII — третья четверть XIV в.) и «моравская» (последняя четверть XIV — первая половина XV в.). Под определением «моравская школа» Милле понимал типологически и стилистически однородную, территориально обособленную группу храмов, для которых характерны тяготение к вертикальной ориентации композиции, специфический плоскорельефный полихромный каменный и керамический декор, а также особый тип плана в виде триконха. Генезис моравского зодчества Милле рассматривал как результат слияния элементов византийской архитектуры греческих областей и собственных сербских традиций, акцентируя региональный

---

² *Millet G. L'ancien art serbe. Les églises. Paris, 1919.*

характер их яркой специфики. Однако эти обобщения были сделаны Милле на примере лишь 11 известных на тот момент построек, при этом шесть весьма значимых сразу оказались выделены в «группу исключений», поскольку в них отсутствовал специфический декор фасадов.

Предложенная Милле периодизация стала общепринятой, хотя в ней обнаруживаются и дальнейшие нестыковки, а ряд важных вопросов остается без ответов. На протяжении второй и третьей четверти XX в. такими исследователями как В. Петкович, С.М. Ненадович, А. Дероко, Дж. Бошкович и др. было выявлено и раскрыто еще несколько десятков моравских построек, многие из которых уже никак не вписывались в схему Милле.

Истоки их своеобразия авторы искали в архитектуре Западной Европы, разных регионов восточнохристианского мира и, прежде всего, в Византии. В последнее время трудами сербских византинистов В. Корача³ и И. Стевовича⁴ утвердилось мнение о том, что архитектура Моравской Сербии представляет собой лишь одно из региональных ответвлений поздневизантийской традиции, наряду с архитектурой таких центров как Эпир, Салоники, Мистра, Несебр и пр. Самую яркую отличительную черту моравских церквей — план в виде триконха — эти авторы объясняли заимствованием с Афона, но без развернутой аргументации данной гипотезы, опираясь лишь на факт существования устойчивой традиции в святогорской и моравской архитектуре.

Единственная попытка монографического исследования моравского зодчества была предпринята в 1996 г. В. Ристичем⁵. Его работа со всей

---

³ *Korać V.* Les origines de l'école de la Morava // Моравска школа и њено доба: научни скуп у Ресави 1968. Београд, 1972. С. 157–168; *Korać V.* Извори Моравске архитектуре // *Korać V.* Између Византије и Запада: одабране студије о архитектури. Београд, 1987. С. 131-144; *Korać V., Шунут М.* Архитектура византијског света. Београд, 2005.

⁴ *Стевовић И.* Каленић. Богородичина црква у архитектури позновизантијског света. Београд, 2006; *Стевовић И.* Архитектура Моравске Србије: локална Градитељска школа или епилог водећих токова позновизантијског градитељског стварања // Зборник радова Византолошког института. Т. 43. Београд, 2006. С. 231–241.

⁵ *Ристић В.* Моравска архитектура. Крушевац, 1996.

очевидностью выявила кризис в изучении этой темы. Стало окончательно ясно, что необходимо пересматривать не только само понятие «моравская школа», но и хронологические, и географические рамки этого явления, поскольку в каталог моравских храмов, впервые составленный В. Ристичем, оказался внесен целый ряд памятников с более ранними датировками и находящихся не только на моравских территориях.

С. Чурчич в недавней монографии о средневековой архитектуре Балкан также указал на необходимость пересмотра большинства вопросов, связанных с «моравской школой»⁶. Истоки основных архитектурных особенностей моравских церквей, причины появления триконхов, характер их связей с архитектурой предшествующих периодов — все эти проблемы получили различные интерпретации гипотетического характера и в целом остаются непроясненными до сих пор.

На данный момент абсолютно очевидна недостаточность схемы Милле: на примере слишком малого числа памятников была создана слишком условная концепция. Памятники были представлены как три изолированные стилевые группы. Рассмотрение сербской архитектуры с точки зрения эволюции стиля не позволило Милле показать связи между этими группами («школами»). В дальнейшем попытки объяснить своеобразие стиля каждого из трех периодов сербского зодчества влияниями извне (прежде всего, из Византии, Западной Европы и Закавказья) также не дали убедительных результатов. Связи между тремя периодами истории сербского зодчества и характер региональной сербской специфики остаются проблематичными вопросами.

С нашей точки зрения, именно региональная специфика является связующим в процессе трехвекового развития сербской архитектуры и определяет его характер на каждом отдельном этапе. Эта специфика заключается в средневековой сербской церковно-государственной

---

⁶ Čurčić S. Architecture in the Balkans from Diocletian to Süleyman the Magnificent (ca. 300-ca. 1550). New Haven, London, 2010. P. 671-682.

идеологии и типе восприятия художественной формы, отличном от классического византийского идеала. Если учесть эти определяющие факторы, то история сербской архитектуры окажется гораздо более цельным явлением, а периодизация — более логичной и нюансированной. Для того, чтобы понять логику развития моравской архитектуры, нам необходимо дать краткий обзор истории сербского зодчества с этой точки зрения, чему посвящена вторая глава диссертации.

Глава 2 «Византийские традиции и национальная специфика в сербской архитектуре второй половины XIV — первой половины XV вв.» состоит из трех разделов, в которых последовательно рассматриваются три важнейшие периода истории сербского зодчества как звенья одной цепи. В разделе **2.1 «Истоки и суть специфики сербского средневекового зодчества»** рассматриваются те идейные и иконографические основы, которые были заложены еще в первых постройках правителей Рашки на рубеже XII-XIII вв. и во многом определили развитие сербского храмового зодчества, включая моравское.

История сербского зодчества начинается с постройки чисто византийского образца. Это церковь Св. Николая в Куршумлии, возведенная константинопольскими мастерами для будущего великого жупана Рашки, основателя Сербского государства Стефана Немани. Эта первая постройка станет образцом для воспроизведения ее основных форм и их дальнейшей уже глубоко специфической интерпретации сербскими мастерами.

При возведении следующей по времени и главной задужбины-усыпальницы Стефана Немани, церкви Богородицы в Студенице, постройка тоже была максимально приближена к византийским прообразам. Однако кроме явной византийской основы здесь присутствуют и некоторые важные особенности, восходящие к традициям архитектуры сербского Приморья. Это, в первую очередь, функционально обусловленное трехчастное деление внутреннего пространства, которое с

этого момента станет обязательным для сербских храмов: трехчастный алтарь в сочетании с однонефным, перекрытым куполом наосом и западный компартимент, связанный с ктиторскими захоронениями. Столь же обязательным, как и трехчастное деление пространства, отныне станет сохранение однонефной крестово-купольной типологии.

В XIII в. тип однонефного компактного крестово-купольного храма становится абсолютно доминирующим. Далее в Жичском монастыре все тот же однонефный крестово-купольный тип обогащается за счет значительного расширения периферийной зоны. Так окончательно складывается программа рашского храмового ансамбля.

На протяжении XIII в. в Сербии формируются основополагающие культы святых покровителей сербской державы и Церкви: Св. Стефана Первомученика как покровителя сербского самодержавия, Св. Стефана Немани (в монашестве Симеона) как основателя святородной династии и создателя сербской государственности и св. Саввы Сербского как основателя сербской Церкви. Эти культы во многом определили своеобразие как живописных, так и архитектурных программ храмов рашской школы. Приделы, посвященные этим особо почитаемым в Сербии святым, и предназначенные для служб их памяти, становятся важнейшей отличительной чертой рашских церквей.

В результате храмы превращаются в сложные комплексы, подчиненные определенной системе функционального и композиционного распределения компартиментов. Под наосом понимается только ядро постройки — зальное пространство подкупольного квадрата. К нему с боков примыкают т.н. певницы, в которых размещали монахов-певчих, реликвии, троны церковных иерархов и светских властителей, устраивали приделы. Западная часть — внутренний и внешний нартекс с приделами по сторонам — теперь прочно связывается с родовыми ктиторскими захоронениями и их почитанием. За всем этим стоят особенности местной церковно-политической идеологии, в частности, культы сербских святых.

Кроме планировочной структуры, обусловленной функциональными потребностями, региональная специфика рашской школы затрагивает и художественные аспекты. В архитектурном образе рашского храма неизменно акцентируется вертикальное развитие композиции с резким выделением центрального купольного ядра по сравнению с пониженными восточными, западными и боковыми компартименентами. Сохраняется принципиальная для византийской архитектуры центричность композиции и иерархичность в ее построении и осмыслении, однако меняются пропорции, максимально усиливается динамичность. Для обеспечения вертикального развития композиции разрабатываются новые, неизвестные в Византии конструктивные приемы, такие как система ступенчато повышающихся сводов.

Почти каноничное, хорошо продуманное в соответствии с местными культурно-историческими условиями архитектурное решение рашского храмового комплекса станет обязательным на протяжении всего XIII в., но варианты его воплощения окажутся бесконечно разнообразными. Вместо традиционности методов и конструктивных приемов на первый план выходит ктиторская программа, обуславливающая единство архитектурных решений в условиях работы различных по происхождению зодчих. На наш взгляд, именно это составляет суть сербской архитектурной специфики и определяет ее развитие в последующие периоды.

Раздел 2.2. «Архитектура «сербско-византийского периода» и ее роль в формировании моравской школы» посвящен следующему этапу сербской истории и искусства. При крале Милутине (1282–1321) Сербия завоевывает большую часть македонских земель у Византии и берет курс на новое сближение с ней. Постепенно вырабатывается новая концепция государства на основе византийской имперской идеологии. Строительная активность смещается на косовские и македонские земли, где нередко

перестраиваются старые византийские постройки, а в новых постройках доминируют византийские черты.

В предшествующей историографии архитектура первой половины — середины XIV в. включалась в т.н. «византийский» период, выделенный по остаточному принципу между двумя стилистически более цельными периодами, рашским и моравским. Исследователи определяли ее как периферию византийской традиции и не видели в ней каких-либо значимых проявлений регионального своеобразия, а прежде всего, обращали внимание на усвоение и воспроизведение византийских образцов на новом этапе. В результате возник разрыв между рашским и следующим периодом, разрыв, который нам кажется искусственным. С нашей точки зрения, при всей очевидности нового сближения с Византией, сербские черты в архитектуре первой половины XIV в. сохраняются. Они по-прежнему тесно связаны с церковно-государственной идеологией и склонностью к своеобразной интерпретации византийских эстетических принципов.

Даже в условиях нового усиления византийских влияний, обозначившегося в начале XIV в., сербская архитектурная специфика не растворяется в византийских формах. Рашские программы выживают, встраиваются в новые архитектурные условия и значительно трансформируют базовый греческий вариант. Так, в церкви Успения Богородицы в Грачанице, крестово-купольной постройке со свободно стоящими опорами и пятиглавием, мастера ориентировались на салоникские образцы начала XIV в. Однако мощное усиление вертикальности композиции и функциональное распределение сакральных зон внутри храма соответствуют сербской специфике. Все это, на наш взгляд, придает греческой архитектуре негреческий характер.

В правление Душана Сильного (1331–1355) Сербия максимально расширяет свои территории и претендует на роль многонациональной Империи, призванной сменить Византию на Балканах. В архитектуре и

живописи разрабатывается множество новых схем и программ, которые должны были отразить и закрепить имперские амбиции Душана, возродить и подчеркнуть роль сербских традиций и соединить их на новом уровне с византийскими. Именно в эпоху Душана появляется стремление вновь вернуть храмам типично сербский облик. Нередко это проявляется весьма конкретно — через копирование и интерпретацию древних рашских образцов, что можно видеть в двух главных императорских задужбинах (Дечанский монастырь и монастырь Архангелов в Призрене).

Обширное и разнообразное храмовое строительство эпохи Душана и его преемников не представляло единой школы или единого направления ни по характеру заказа, ни по типологическим и стилистическим параметрам. Этот период очень важен для нашего исследования. Как нам представляется, именно в нем лежат истоки процессов, определивших появление и развитие «моравской школы» во второй половине XIV столетия. Эти истоки нуждаются в тщательном всестороннем исследовании, которое составляет значительную часть второй главы диссертации.

Кроме храмов, строившихся по инициативе представителей верховной светской и церковной власти, со второй четверти XIV в. получает распространение новое для сербской традиции явление — аристократическая задужбина (или придворица). Душан значительно расширяет круг придворной аристократии и назначает ее представителей на управление бывшими греческими землями. Строительство и оформление задужбины было одним из способов демонстрации и закрепления в сакрально значимых визуальных формах права на власть на новых землях, которое давалось императором и подтверждалось собственными традициями рода и личными заслугами ктиторов. Отсюда и новые иконографические решения, соединяющие имперские и сербские национальные темы; и архитектурные решения, апеллирующие к рашской традиции, освящающей и возвеличивающей род ктитора; и посвящения

храмов и приделов, показывающие стремление ктиторов выделить культ именно своего святого покровителя. При преобладавшем в этот период многообразии архитектурных решений самым распространенным способом акцентирования родовых (национальных) традиций становилось увеличение периферийной зоны храма через пристройку обширных нартексов, приделов, устройство захоронений, росписи с ктиторскими композициями и т.д. (Горни Козьяк, церковь Архангелов в Штипе, Спас в Кучевиште). Значение этих памятников как возможного источника типологии моравской архитектуры до сих пор недооценено. Это один из важных новых аспектов, который разработан во второй и третьей главе диссертации.

Между смертью Душана в 1355 г. и вокняжением Лазаря Хрбеляновича в начале 1370-х гг. проходит два десятилетия, которые не учитываются общепринятой периодизацией сербского зодчества. В это время происходит распад империи Душана и постепенный перенос политического центра тяжести с косовско-метохийских территорий в бассейн трёх Морав. Шла борьба за власть между феодалами, каждый из которых так или иначе стремился утвердиться. Они возводили укрепленные городища, в которых выявлено значительное количество руинированных или небольших провинциальных храмов, не имеющих точных датировок, весьма различных по строительной технике и стилистике. Среди них уже преобладают однонефные купольные триконхи. Однако исторических сведений об этих постройках практически нет.

Раздел **2.3 «Архитектура моравской школы»** включает в себя характеристику историко-культурного контекста изучаемой эпохи, подробный анализ наиболее значимых памятников и разбор их важнейших особенностей. Последний этап развития средневекового сербского зодчества начинается с вокняжением Лазаря Хрбеляновича. Обзору

архитектуры этого этапа посвящен подраздел **2.3.1. «Постройки князя Лазаря и их круг».**

Князь Лазарь (1371–1389) побеждает прочих аристократов, претендовавших на лидерство, снова объединяет земли и окончательно переносит центр на Моравские земли — в Крушевац. Он отказывается от претензий на империю и намеренно подчеркивает возврат к идеологии Неманичей и их модели сербского национального государства. Сербский патриархат перестает претендовать на вселенский масштаб и возрождает традиции эпохи св. Саввы. Это позволяет преодолеть многолетний церковный раскол и примириться с Византией, возродить монастырскую жизнь, восстановить прерванные связи с Афоном. По нашему мнению, именно это желание князя Лазаря и его окружения вернуться к духовным, идеологическим и культурным традициям эпохи расцвета Сербии могло вызвать к жизни появление нового типа храма.

В этот период снова строятся большие монастырские или приходские храмы, в основном — по заказу великого князя или виднейших вельмож. Утверждается новый тип храма. Это крестово-купольный храм, обычно однефный (как было в рашский период), хотя продолжают существовать и храмы с четырьмя отдельно стоящими опорами (до 1389 г. их всего два — Раваница и Новая Павлица. Затем появляется еще два — Любостыня и Ресава). По-прежнему характерны башнеобразные композиции, часто со ступенчато-повышающимися сводами. Усиливается значение плоскорельефного каменного декора, который теперь представляет собой развитые декоративные программы (с полихромией). Закрепляется главный отличительный признак архитектуры моравского периода — план в виде триконха. Собственно на этом этапе, с 1370-х гг. появляются почти все те храмы, которые были выделены как образцы «моравской школы» Милле и другими исследователями: Раваница, Новая Павлица, Любостыня, Лазарица, Горняк, Наупара, Велуча, Намасия, Лепенац. Эти памятники подробно описываются и анализируются.

Однонефные постройки эпохи князя Лазаря в целом очень близки друг другу не только по типологии и плану, но и по размерам, пропорциям, силуэту. В четырехстолпных храмах, типология которых восходит к византийским образцам, можно видеть те же важнейшие процессы архитектурного развития, что и в однонефных постройках. Такого единства уже не будет в следующий период.

В подразделе **2.3.2 «Постройки деспота Стефана и их круг»** описываются здания следующего периода — первой половины XV в.: Ресава, Каленич, Руденица, Мелентье, Павловац, Копорин, Йошаница, кладбищенская церковь в Смедерево.

Основные постройки эпохи Стефана Лазаревича (1389–1427), несмотря на типологические различия и различия в декоре, объединены одной важной тенденцией, которая заметно отличает их от образцов эпохи князя Лазаря. Во всех них динамика вертикального развития композиции усилена, очевиден отход от византийских образцов.

Отдельно рассматриваются провинциальные постройки второй половины XIV — первой половины XV в. (**подраздел 2.3.3, «Провинциальные постройки»**). В. Ристич выделил среди них ряд памятников (Дренча, Митрополия, Лешье, Липовац и др.), которые, по его мнению, могут быть отнесены к третьей четверти XIV в. и лежат у истоков формирования моравской архитектуры. В целом это предположение нам кажется небеспочвенным, однако оно нуждается в подтверждении через более тщательное исследование как самых памятников, так и того историко-культурного контекста, к которому они принадлежат.

Если провинциальные постройки второй половины XIV в. так или иначе приближаются к параметрам задужбин князя Лазаря и произведений их круга, то в эпоху деспота Стефана соотношение меняется. Магистральная линия теперь представлена совсем небольшим числом построек, сознательно ориентированных на образцы эпохи князя Лазаря (Ресава, Каленич, Руденица, Павловац), а все остальные постройки

оказываются очень разнообразны и по типологии, и по размеру, и по стилистике, и по технике. Во всем этом многообразии не получается создать какую-то стройную классификацию. Можно лишь обратить внимание на те моменты, которых не было раньше. Например, возвращается базиликальный тип, часто без купола или с башней над средокрестием. Появляется достаточное количество построек, не имеющих боковых конх. Триконх перестает быть доминирующим, определяющим архитектурное направление типом.

После описания и анализа важнейших произведений архитектуры моравского периода мы возвращаемся к наиболее существенным проблемам, которые разбираются в подразделе **2.3.4 «Важнейшие особенности архитектуры моравского периода и спорные вопросы в ее изучении»**.

Был ли именно князь Лазарь идеологом архитектурной концепции моравского типа храма, как считали Г. Милле, В. Корач, И. Стевович и другие ученые? Или эта традиция имеет более ранние истоки, а при князе Лазаре в новых экономических и политических условиях это явление лишь вышло на принципиально новый уровень, получив яркое оформление? Мы придерживаемся второй точки зрения, которую высказывали В. Ристич, С. Чурчич и некоторые другие исследователи.

Сторонники первой точки зрения полагали, что все основные черты моравской архитектуры были ни чем иным как перенесением на сербскую почву византийских (и некоторых западных) традиций. В новейших трудах В. Корача и И. Стевовича моравское зодчество рассматривается как один из вариантов позднепалеологовской византийской архитектуры, в которой региональная сербская специфика не является определяющей.

Рассмотрев все особенности моравских храмов эпохи князя Лазаря, с одной стороны, мы убеждаемся в том, что многие из них действительно имеют византийское происхождение. Но все же есть и другие особенности, которые невозможно объяснить византийским или каким-либо другим

влиянием, и именно они определяют облик сербских храмов. Это тот характер интерпретации, который получает византийская основа на сербских землях.

К таким чертам относится:

- доминирование одновефного компактного крестово-купольного типа, характерного еще для рашской школы.
- гипертрофированная вертикальная ориентация объемно-пространственной композиции, при которой принципы пропорционирования и конструктивные приемы значительно отличаются от византийских прототипов.
- сознательная ориентация на рашские образцы. Она проявляется, во-первых, в стилистике декора; во-вторых, в типологии построек и их объемно-пространственных композициях. Часто встречается акцентирование сакральной значимости разных зон в интерьере храма; возвращается развитая западная часть, нередко имеющая вид купольного нартекса.

Особо отметим, что боковые конхи — наиболее характерная черта моравских храмов — хотя и встречаются в византийской архитектуре всех времен, отнюдь не являются ни обязательными, ни широко распространенными в византийской архитектуре второй половины XIV в.

Авторы, развивавшие идею о византийских источниках моравской архитектуры, за неимением другого объяснения, всегда называли Афон как источник типологии триконха. Однако если такое заимствование имело место, нужно объяснить его причины и условия. Этого никому не удалось сделать. В отличие от афонских четырехстолпных крестово-купольных храмов развитого типа, большинство моравских триконхов — одновефные. Нетипичные для Афона, в Сербии такие храмы получили широкое распространение еще в XII в. и, прежде всего, ассоциировались с задужбинами «святородной династии Неманичей». Таким образом, с архитектурной точки зрения афонские триконхи имеют немного общего с

моравскими триконхами, кроме боковых конх. Как видим, гипотеза об афонском влиянии, основанная в первую очередь на типологическом сходстве построек, не достаточна для объяснения появления триконхов в архитектуре Сербии второй половины XIV в. без объяснения механизмов и причин заимствования боковых конх.

Глава 3 «Моравские триконхи: типология, генезис, функция» посвящена истории типологии триконха в византийской и сербской архитектуре и выяснению функции боковых экседр моравских построек.

В первом разделе **3.1. «Триконхи на Балканах до XIV в.»** разбираются три группы более ранних памятников. Форма триконха переходит в раннехристианскую архитектуру из позднеантичной. **«Раннехристианские и ранневизантийские триконхи»** рассматриваются в подразделе **3.1.1.** Небольшие триконхи IV–VI вв. часто были мартириями, и тогда боковые конхи использовались для погребений или хранения реликвий. Один из примеров — триконх «Е» из Юстинианы Примы (Царичин Град) с захоронением, устроенным в южной конхе. В этот период достаточно широко были распространены базилики с дополнительными боковыми конхами, в некоторых из которых также прослеживается связь боковых конх с погребениями или реликвиями.

Далее идет речь о достаточно большой и географически цельной группе балканских памятников средневизантийского периода: **«Однонефные триконхи IX–XII вв.»** (подраздел **3.1.2.**) Эта группа появляется в IX–X вв., одновременно с монастырским движением времени Кирилла и Мефодия и их учеников. В районе Охрида и Преспы возводится большое число построек, в боковых конхах которых обнаружены захоронения. В двух ранних особо почитаемых триконхах-усыпальницах свв. Климента и Наума в Охриде в боковых экседрах кроме захоронений изначально находились и ниши, даже выявленные снаружи апсидами.

Следуя за ходом монастырского движения, триконхи появляются и на сербских землях. Здесь также сохранились храмы, имеющие ниши в

восточной стене боковых экседр, что может свидетельствовать об устойчивости этого явления в IX–XI вв. В XII в. триконхи в сербских землях — уже нечастое явление, однако связь с усыпальницами по-прежнему просматривается (например, церковь Св. Павла в монастыре Чичево — усыпальница рашского жупана Десы, 1163–1165). Последний триконх в этом ряду связан с ктиторской деятельностью основателя независимого Сербского государства — св. Стефана Немани. Это церковь Богородицы в Куршумлии, построенная им ок. 1166 г. на основаниях VI в., в конхе которой обнаружено погребение. После этого традиция возведения триконхов прерывается вплоть до середины XIV в.

Итак, захоронения в боковых конхах и ниши в толще восточной стены были хорошо известны в региональной традиции задолго до появления моравских триконхов. Логично предположить, что возвращение к устройству в боковых экседрах триконхов захоронений и алтарных ниш над ними в связи с поминовением могло возобновиться и впоследствии, в моравских постройках.

Еще одна небольшая, но особенно важная для нашего исследования группа памятников рассматривается в следующем **подразделе 3.1.3 «Триконхи афонской группы»**. На Афоне триконхи появляются в конце X — начале XI в., когда строятся кафоликаны монастырей Ватопед, Ивирон и Великой Лавры. В них сформировался т.н. «афонский тип» храма: крестово-купольный триконх на четырех опорах. Наос фланкируют боковые конхи, которые визуально расширяют центральное пространство, при этом широко расставленные скругленные опоры делают боковые нефы очень узкими. Есть и целый ряд особенностей в объемно-пространственной композиции храмов, обусловленных чисто функциональными причинами, например, развитая алтарная часть с дополнительной ячейкой с востока и специфические решения западной части с большими экзонартексами, фланкированными купольными приделами. В XIV в. по образцу древнейших афонских кафоликонов

строится еще два аналогичных храма: новые кафоликаны монастырей Хиландара (1300–1311) и Пантократора (1363). Вероятно, именно ориентация на афонские образцы обусловила своеобразную объемно-пространственную композицию церкви Пророка Илии в Салониках (третья четверть XIV в.), в то время как в стилистике этого храма очевидна связь с местной архитектурной традицией раннего XIV в.

На Афоне известно только одно назначение боковых экседр триконхов: это певницы, пространство для расположения монастырского хора. Такое размещение певчих — особая афонская черта, которая была заимствована сербами в начале XIII в. Однако певницы, ставшие одной из отличительных черт рашских храмов, всегда имели прямоугольную форму. Какой-либо определенной необходимости для устройства певниц полукруглой формы в ранних моравских постройках выявить не удастся.

Главный вопрос по-прежнему остается без ответа: почему после установления неразрывных сербско-афонских связей с XII в., после двух столетий сербского строительства на Афоне и активного участия афонских монахов в возведении сербских храмов, форма триконха оказывается востребованной только во второй половине XIV в.? Это кажется тем более трудно объяснимым в тот период, когда отношения Сербии и Афона оказались сильно осложнены конфликтом между сербской Церковью и Константинополем (1346–1375).

Полагаем, что ни македонские триконхи IX–XI вв., ни афонские триконхи не могли быть единственным источником появления и распространения типологии триконха в моравском зодчестве во второй половине XIV в. От первой группы моравские памятники отделяет слишком большой временной промежуток, от второй отличают слишком существенные типологические и композиционные особенности. Не исключая возможности влияния этих более ранних памятников, мы считаем, что для закрепления этой типологии во второй половине XIV

должны были иметься более существенные причины, укорененные в сербской архитектурной традиции.

Рассмотрению этих факторов посвящен следующий раздел **3.2 «Приделы и их значение в архитектуре сербских храмов XII–XIV вв.»**.

Как уже было сказано, многие региональные особенности сербской архитектуры были связаны с устройством особых пространств для ктиторских погребений и поминальных служб, а также для раков с мощами чтимых сербских святых и посвященных им богослужений. Именно необходимость архитектурного оформления этих культов во многом обусловила формирование рашского типа храма с обязательными приделами.

Полагаем, что в начале рашского периода такие приделы размещались в притворах по сторонам от подкупольного квадрата, в восточных стенах которых были устроены алтарные ниши (церковь Богородицы в Студенице, ниши ок. 1208–1209 г.; церковь Вознесения в Милешево, до 1228 г.; возможно, Придворица, первая треть XIII в.). Впоследствии, в архиепископском храме в Жиче (ок. 1219) была создана иная схема, сохранившаяся до конца XIII в. Теперь приделы, посвященные сербским святым, разместились по сторонам от экзонартекса. Таким образом, вся западная часть храма оказывалась связана с почитанием сербских святых и поминовением ктиторов, чьи захоронения размещались во внутреннем нартексе. Обращает на себя внимание, что воспроизведение данной схемы в Студенице, задужбине самого Св. Стефана-Симеона Немани, оказалось сопряжено с появлением боковых конх по сторонам от пристроенного ок. 1234 г. т.н. Радославова нартекса. В них были устроены приделы, посвященные Св. Стефану Немане и его небесному покровителю, Св. Стефану Первомученику. Полагаем, что такой способ выделения приделов мог быть подсказан упоминавшейся выше балканской традицией строительства триконхов.

Уже к концу XIII в. в сербском зодчестве обозначилась тенденция к перенесению приделов из западной части храма к востоку, в пространство основного объема или в пастофории. Так, в церкви Благовещения в Градаце (последняя треть XIII в.) в толще восточной стены южной певницы снова появляется ниша, причем, выраженная снаружи. В монастырском храме в Давидовице, построенном в конце XIII в. без приделов в западной части, при перестройке начале XIV в. боковые певницы были превращены в приделы, причем в одном из них, вероятно, было помещено погребение основателя монастыря прп. Давида. В храме в Арилье (до 1296 г.) приделы размещаются уже в пастофориях.

С начала XIV в. тенденция размещать приделы в пастофориях становится закономерностью (например, в церкви Богородицы Левишки, в Старо-Нагоричено, в Грачанице, в Дечанах, в церкви Богородицы в Пече). Полагаем, это было связано с возобладавшей в эпоху Милутина и Душана ориентацией на общевизантийские традиции и стремлением не противопоставлять им сербские особенности, а гармонично соединять то и другое.

Принципиально новым в этот период становится совмещение приделов с захоронениями (Грачаница, Арилье). Кроме того, погребения теперь часто оформляются аркосолиями (Грачаница, Печ, захоронения XIV в. в Радославовом нартексе в Студенице). Если в рашских постройках существовало четко выделенное место для размещения погребений (западная травея или внутренний нартекс), то теперь они нередко помещаются по сторонам от подкупольного квадрата, что особенно важно для нашей темы. Помимо уже упомянутого храма в Давидовице, можно указать на захоронения, устроенные между 1355 и 1371 гг. в южной певнице более старого храма в Арилье.

Итак, на протяжении почти двух столетий, в сербских храмах обязательно так или иначе выделяются зоны, связанные с погребением и поминовением ктиторов и с культом сербских святых. Полагаем, что роль

именно таких зон могли играть боковые экседры ранних моравских триконхов, что доказывается наличием в некоторых из них ниш, напоминающих алтарные, погребений и росписей с изображением сербских святых.

Далее мы переходим к рассмотрению ранних моравских триконхов в **разделе 3.3. «Моравские триконхи: проблемы их появления и назначения в условиях церковно-политических обстоятельств моравского периода сербской истории».**

Первые триконхи XIV в. появляются еще в эпоху Душана на македонских землях. Два наиболее ранних были построены в Серрах, вероятно, еще до перехода города под власть сербов в 1345 г. Также трехконховая композиция была намечена в церкви Св. Николая монастыря Архангелов близ Призрена (ок. 1350 г.) — втором храме задужбины-усыпальницы Душана. В этом храме на границе алтарной зоны и наоса в храмовое пространство открываются две боковые ниши.

Вероятно, около середины XIV в. были возведены и два небольших однонефных триконха, находящихся на македонских землях в окрестностях Скопье: церковь в Рджавце и церковь Архангелов в Кучевиште. Как уже говорилось, к своим придворицам вельможи часто добавляли приделы, нартексы или другие дополнительные помещения, связанные с ктиторскими культами и родовыми усыпальницами. В этих двух храмах ничего подобного не было, зато появились боковые конхи. К сожалению, уточнить датировки и археологически выявить связь боковых конх с погребениями в этих двух храмах на данный момент не представляется возможным.

Зато такая связь подтверждается для триконха в Липовце. Он находится на моравских территориях и, вероятно, относится уже к следующему периоду — эпохе распада Душановой империи (1355–1371). Храм тоже представляет собой небольшой однонефный триконх, в

первоначальном виде не имевший развитого нартекса. В центральной части храма и в южной боковой конхе были обнаружены погребения. В толще восточных стен обеих боковых конх имеются ниши.

Наличие ниш — очень важный момент, который дает основание предполагать особую литургическую функцию этих пространств, фланкирующих подкупольный квадрат. Напомним, что ниши в боковых конхах часто встречались в триконхах IX–XI вв. Подобные ниши в компартиментах, фланкирующих подкупольный квадрат, имелись в двух ключевых памятниках рашского периода — Студенице и Жиче, с которых как раз и начинается традиция литургического оформления культов сербских святых.

Новое обращение к культам св. Стефана первомученика, св. Стефана Немани и Саввы Сербского во второй половине XIV в. не случайно, но глубоко укоренено в духовной, социальной и политической истории этого периода. Эти святые почитались как покровители сербского государства и Церкви еще в рашский период. Обращение к этим традициям стало актуально именно в результате кризиса имперской идеологии, распада единого государства и пресечения династии Неманичей. Подчеркнутая демонстрация преемственности, если не на родовом, то на идейном уровне, составляла ядро идеологии князя Лазаря Хрбеляновича, вновь объединившего сербские земли под своей властью.

Большинство однефных моравских триконхов — возведены сербскими аристократами. Различные по размерам, стилистическим и конструктивным параметрам, почти все они — однефные купольные церкви с одной апсидой, часто без нартексов. В этих особенностях определенно проявилось стремление удельных феодалов уподобить свои придворные храмы рашским задужбинам. Кроме того, многие моравские храмы посвящены св. Стефану (Липовац, Лепенац, Мелентье, Лазарица, Копорин и др.), что было редкостью в предшествующий период.

Очевидно, это тоже связано с подчеркнутой ориентацией на возвращение идеалов эпохи рашских правителей.

Наша гипотеза о связи боковых конх ранних моравских триконхов с культурами сербских святых и поминовением ктиторов может быть подтверждена анализом иконографии нескольких сохранившихся росписей боковых экседр. Так, в триконхах в Новой Павлице и Велуче в боковых экседрах с одной стороны помещен трехчастный Деисус, а с другой — образы свв. Стефана Первомученика, Стефана Немани и Саввы Сербского. Именно в моравский период создается новая иконография, объединяющая изображения этих трех святых в одну композицию. В сочетании с Деисусом, который в сербской традиции, как правило, был связан с захоронениями и приделами, складывается схема, соединяющая частные ктиторские и общегосударственные культы.

Итак, всё это дает нам основание предполагать, что обращение к давно известной на Балканах форме триконхов во второй половине XIV в. было обусловлено не столько влиянием афонских образцов, сколько определенными тенденциями в развитии собственно сербской архитектурной традиции. Прежде всего, это ориентация на традиции рашской Сербии и стремление выделить в храмах определенные зоны, связанные с поминовением ктиторов и культом сербских святых.

В дальнейшем, в периоды усиления единой княжеской власти при Лазаре Хрбеляновиче и деспоте Стефане Лазаревиче, форма триконха закрепляется как ведущий тип храмового зодчества. В эти периоды на первый план выходит архитектурно-конструктивное значение боковых экседр, их роль в объемно-пространственной композиции здания как в интерьере, так и на фасадах. Какой-либо специфической связи с погребениями боковые конхи уже не имеют, поскольку эти литургические функции теперь переносятся в нартексы храмов. Боковые экседры могли использоваться и как певницы. В это время, после восстановления общения с константинопольским патриархатом и нового укрепления

связей с Афоном, символическое уподобление сербских храмов афонским могло стать актуальным, что теперь уже прослеживается и по письменным источникам.

В **Заключении** представлены основные выводы диссертационного исследования. «Моравская школа», безусловно, продолжает сербскую региональную специфику, которая наиболее сильно проявляется в архитектурных особенностях, общих для всех периодов истории сербского зодчества. В первую очередь, это акцентированная вертикальная ориентация композиции храмов с частым использованием системы ступенчато повышающихся арок. Вторая важная особенность — значимость периферийной зоны — приобретает на этом этапе новый облик. Утверждается типология триконха, в которой боковые конхи имеют не только конструктивное и композиционное значение, но, возможно, берут на себя функции, ранее связанные с приделами и развитыми западными частями храмов. Мы надеялись показать, что истоки этих особенностей моравской архитектуры во многом связаны с предшествующими периодами истории сербского зодчества. Они находятся не в моравских землях, но и не в Византии.

Считать моравскую архитектуру «школой» нельзя, поскольку памятники исследуемого круга слишком разнообразны в плане стилистики и строительной техники. На этом уровне преемственность и взаимосвязь между ними трудно прослеживается.

При всей очевидности многоуровневых связей моравской архитектуры с византийской традицией, мы все же считаем ее специфически сербским явлением, суть которого определялась сознательной ориентацией элиты не только на лучшие образцы византийской архитектуры, но и на храмы рашского периода. Она проявлялась даже не столько в типологических и стилистических признаках, сколько в самой направленности ктиторских архитектурных программ, где функция стала одним из определяющих параметров, а

ориентация на национальные традиции выражала важнейшие аспекты идеологии князя Лазаря Хрбеляновича и его преемников.

Список публикаций автора по теме диссертации

а) в периодических научных изданиях, рекомендованных ВАК:

1. *Мальцева С.В.* О некоторых проблемах периодизации сербского средневекового зодчества. Термин Моравская школа // Искусствознание. 2012. № 3–4/2012. С. 95–116 (1 а.л., ВАК, РИНЦ).
2. *Мальцева С.В.* Приделы в сербских храмах XIII — первой половины XIV в. // Византийский временник. 2012. Т. 71. С. 177–199 (1 а.л., ВАК, РИНЦ).
3. *Захарова А.В., Мальцева С.В.* Приделы в сербских храмах эпохи Душана Сильного (1331-1355) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2013. № 3. С. 125–144 (1 а.л., ВАК, РИНЦ)

б) в других научных изданиях

4. *Мальцева С.В.* К вопросу о происхождении триконхов моравской школы и стран византийского мира // Искусство Древней Руси и стран византийского мира. Материалы научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения В.А. Булкина. 3-4 декабря 2007 года / Ред.-сост. И.В. Антипов, И.А. Шалина. СПб. –М, 2007. С. 214–219 (0,5 а.л., РИНЦ).
5. *Мальцева С.В.* Церковь Успения Богородицы монастыря Студеница. Византийские истоки и становление сербских региональных традиций // Архитектура Византии и Древней Руси IX-XII вв. Труды Государственного Эрмитажа. Т. 53. СПб., 2010. С. 282–299 (1 а.л., РИНЦ).
6. *Мальцева С.В.* Значение приделов в формировании региональной традиции сербской средневековой архитектуры // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сборник научных статей /

- Под ред. С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович-Денисовой. Вып. 1. СПб., 2011. С. 63–68 (0,7 а.л., РИНЦ).
7. *Maltseva S.* The Problem of Parallels in Medieval Serbian and Russian Architecture // Proceedings of the 22nd International Congress of Byzantine Studies. Vol. 3. Sofia, 2011. P. 121 (0,2 а.л.).
  8. *Мальцева С.В.* О проблеме балканских влияний и параллелей в древнерусской архитектуре // Актуальные проблемы теории и истории искусства: тезисы докладов международной конференции. СПб., 2011. С. 32 (0,2 а.л., РИНЦ).
  9. *Мальцева С.В.* Принципы размещения приделов в сербских храмах имперского периода // Тезисы докладов XIX Всероссийской научной сессии византинистов. Москва, 27–29 января 2011. М., 2011. С. 154–157 (0,3 а.л.).
  10. *Мальцева С.В.* Центрические многолепестковые храмы на Балканах. Актуальные проблемы изучения // Актуальные проблемы теории и истории искусства — 2012: тезисы докладов международной конференции. СПб., 2012. С. 14–15 (0,2 а.л., РИНЦ).
  11. *Мальцева С.В.* Балканские влияния или параллели в древнерусской архитектуре? // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сборник научных статей / Под ред. А.В. Захаровой. Вып. 2. СПб., 2012. С. 137–144 (0,7 а.л., РИНЦ).
  12. *Мальцева С.В.* Каленич // Православная энциклопедия. Т. 29. М., 2012. С. 669–675 (1 а.л.).
  13. *Мальцева С.В.* Некоторые проблемы изучения однефных купольных построек на примере средневековой сербской архитектуры // *Seminarium Bulkinianum*. III: К 75-летию со дня рождения Валентина Александровича Булкина. СПб., 2012. С. 42–57 (1 а.л., РИНЦ).
  14. *Мальцева С.В.* Купольная базилика и крестово-купольный храм между Востоком и Западом: некоторые проблемы изучения на

- примере раннехорватской и сербской средневековой архитектуры // Тезисы докладов Международного архитектурно-археологического семинара Средневековая христианская архитектура: взаимодействие традиций Запада и Востока. Государственный Эрмитаж (5 апреля 2012). СПб., 2012. С. 17–23 (0,5 а.л.).
15. *Мальцева С.В.* Проблема прототипов и хронологии построек последнего периода сербского средневекового зодчества (к историографии вопроса) // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сборник научных статей / Под. ред. С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкевич-Денисовой. Вып. 3. СПб., 2013. С. 134–140 (0,7 а.л., РИНЦ).
16. *Мальцева С.В.* К вопросу об архитектурных прототипах и хронологии моравского периода сербского средневекового зодчества // Византия и византийское наследие в России и в мире. Тезисы докладов XX Всероссийской научной сессии византинистов. Москва, 3–6 июня 2013 года. Москва, 2013. С. 174–177 (0,5 а.л.).
17. *Мальцева С.В.* Триконхи в сербской архитектуре Моравского периода: обзор основных проблем изучения // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 4 / Под ред. А.В. Захаровой, С.В. Мальцевой. – СПб.: НП-Принт, 2014. С. 131–143 (1 а.л., РИНЦ).
18. *Захарова А.В., Мальцева С.В.* Византия как христианская античность // Актуальные проблемы теории и истории искусства — 2014: тезисы докладов 5-й международной конференции. СПб., 2014. С. 57 (0,2 а.л., РИНЦ)
19. *Захарова А.В., Мальцева С.В.* Византия как христианская античность // Актуальные проблемы теории и истории искусства / Под ред. А.В. Захаровой, С.В. Мальцевой. СПб., 2015. Вып. 5. С. 176–187 (0,7 а.л., РИНЦ).

20. *Мальцева С.В.* Сербская моравская архитектура и поздневизантийские традиции зодчества // Вопросы всеобщей истории архитектуры: Материалы международной научной конференции 29–30 мая 2014 года. Электронная публикация. URL: <http://archi.ru/lib/publication.html?id=1850570073&fl=5&sl=1> (дата обращения 03.08.2016)
21. *Мальцева С.В.* Пути и формы западноевропейских влияний в архитектуре Сербии XIV–XV веков // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Тезисы докладов VI Международной конференции. М., 2015. С. 56 (0,2 а.л., РИНЦ).
22. *Мальцева С.В.* Пути и формы западноевропейских влияний в архитектуре Сербии XIV–XV веков // Актуальные проблемы теории и истории искусства / Под ред. А.В. Захаровой, С.В. Мальцевой. СПб., 2016. Вып. 6. С. 197–208 (1 а.л., РИНЦ).
23. *Мальцева С.В.* Особенности пространственной организации интерьеров сербских храмов в средневековый период (XII–XV вв.) // Наука, образование и экспериментальное проектирование в МАРХИ. Тезисы докладов международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов: в 2 томах. Московский архитектурный институт (Государственная академия). 2016. С. 52–54 (0,3 а.л., РИНЦ).
24. *Мальцева С.В.* Центрические многоконховые постройки Ани, Византии и Балкан IX–XI века: сравнительный анализ // Historical Tayk. History, Culture, Confession. Mesrop Mashtots Institute of Ancient Manuscripts – The Matenadaran; National Academy of Sciences of the Republic of Armenia; Armenian National Committee of Byzantine Studies. June 22–24, 2016. Abstracts. Yerevan, 2016. С. 49–51 (0,2 а.л.).
25. *Мальцева С.В.* Пути и формы западноевропейских влияний в архитектуре Сербии XIV–XV веков // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 6 / Под ред. А.В.

Захаровой, С.В. Мальцевой. – СПб.: НП-Принт, 2016. С. 185–196 (1 а.л., РИНЦ).